

ВОСТОЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Георгий Курбев — 2002 г. 1-й изд. с. 20.

У актрисы театра "Современник" Нины Дорошиной какое-то "древнерусское" лицо, красивое неподвластной моде красотой. Лицо, к которому так подошли бы сарафаны, расписные шали и кокошники. Необычайно живое и выразительное. И переменчивое: по ходу нашего разговора она то лукаво улыбалась, то заливалась румянцем, то застыла на мгновение с глазами, влажными от слез...

— Нина Михайловна, вас не обижает, что несмотря на то, что в кино и в театре вами сыграно несколько десятков ролей, в массовом сознании вы до сих пор остаетесь героиней из фильма "Любовь и голуби", практически все интервью с вами начинаются с вопросов об этой давнишней роли?

— Нисколько. Фильм вышел на экраны почти 20 лет назад, и все эти годы на улице мне вслед кричат: "Людк, а Людк!" Я всегда оборачиваюсь и улыбаюсь, потому что понимаю: человеку приятно, что он меня узнал. И мне приятно, что зрители меня помнят. Я до сих пор играю эту роль, только в театре, с Геннадием Фроловым. К сожалению, спектакль этот идет сейчас редко, всего раз в месяц, но всегда с огромнейшим успехом.

— Вы пришли в "Современник" в 1959 году, уже будучи настоящей кинозвездой, снявшейся к тому времени в 20 фильмах. И вдруг отказались от кино, от больших заработков, от поездок по стране. Почему?

— На съемках фильма "Первый эшелон" я познакомилась с Олегом Ефремовым. Он преподавал тогда в школе-студии МХАТ, репетировал со своими студентами пьесу Розова "Вечно живые" и мечтал о создании собственного театра. И когда он основал "Современник", я пришла туда работать. У нас была маленькая, но очень дружная труппа. Ефремов воспитывал нас так, что театр — искусство коллективное. Он каленным железом выжигал в нас то, что в моде сейчас. Всякую звездность, премьерство, выпендраж. Считая это пошлостью и каботинством.

— Ефремов говорил о вас как об актрисе редкой индивидуальности, умеющей ясно глядеть на жизнь и на искусство...

— Я бесконечно ему благодарна. Он был моим режиссером, педагогом, очень верил в меня. Он сделал из меня актрису и оставался для меня "иконой" на всю жизнь. Его смерть стала для меня настоящим ударом. В последнее время мы виделись нечасто, но перезванивались. Он тяжело болел и позвонил мне накануне смерти. Рассказывал про внуков, очень просил приехать. Вероятно, предчувствуя близость кончины, хотел увидеться. Я ответила, что не могу сейчас: у моих студентов экзамены. Он сказал: "Смотри, а то поздно будет". Через несколько дней его не стало.

— Нина Михайловна, 20 лет вы преподаете в Щукинском училище. Кто из ваших учеников вам особенно дорог?

— У меня огромное количество учеников, и выделять кого-то из них было бы несправедливо. Просто одни больше преуспели, другие меньше. Я всех их очень люблю и постоянно думаю о них. Мне горько и больно, что одна из моих учениц, Ира Метлицкая — красавица, жена Сережи Газарова (я их даже немножко сосватала) — так рано ушла из жизни. Она выпускница моего первого курса. Там же учились прелестная Светлана Рябова, которая работает сейчас в Театре сатиры, великодушный педагог сценической речи (она теперь у нас преподает) Анна Брусер, Анечка Лаукина, она в Минске играет... Последний курс, которым руководил Александр Граве, мы выпустили в прошлом году. Очень талантливые, очень красивые ребята. Мы с ними носились, как "курица с яйцом", буквально водили по театрам за руку, и все выпускники устроились в Москве.

— Я знаю, что когда-то вы помогли устроиться в "Современник" Олегу Далю...

— Я уже работала там, а Олег был дипломником. И мне поручили подготовить с ним отрывок для показа в нашем театре. Даль был моложе меня на 7 лет. Обаятельный, искренний двадцатилетний мальчик. Очень красиво за мной ухаживал... Потом, в 1963 году мы поженились. Сыграли шикарную свадьбу, но не расписались из-за того, что я вступала тогда в строительный кооператив и мне было выгоднее считаться незамужней. Об Олеге вспоминаю с большой теплотой. Человек он был очень талантливый, но сложный. Может быть поэтому наш брак продлился недолго.

— Даль был вашей первой любовью?

— Нет. Я всегда была очень любима мужчинами. И в молодости, и сейчас. А с первой любовью я встретилась в восьмом классе. Я с юности очень дружила с Руфой Нифонтовой. Мы мечтали стать актрисами, занимались в самодеятельности, вместе отдыхали в деревне. Руфа была немного старше меня. Она поступила во ВГИК, когда я еще училась в школе, и пригласила меня на студенческие вечера. И на одном таком вечере я познакомилась с Юрием Чулюкиным, который впоследствии стал режиссером, постановщиком фильмов "Неподдающиеся", "Девчата". Мы с ним танцевали, гуляли по Москве. Это было мое первое романтическое увлечение.

— А где вы познакомились с вашим нынешним мужем?

— Мы с ним знакомы около сорока лет. Ровно столько он прорабо-

тал в нашем театре, в постановочной части, художником по свету. Хотя он закончил Историко-архивный институт, прекрасно знает и историю, и литературу, пишет стихи и так же, как и я, безумно любит театр. Наши чувства проверены временем, и браку нашему (а мы живем вместе 17 лет) предшествовал долгий роман. Он ухаживал за мной много лет. Знает все мои вкусы, привычки, какие цветы я люблю, какие духи. Сейчас он на пенсии, занимается с удовольствием хозяйством, покупает продукты, готовит. Я прихожу домой усталая, а дома так вкусно пахнет. Все горячее, все на плите шипит...

— Наверное, с таким мужем трудно сохранять фигуру?

— Трудно. Хотя, если надо... Мне очень хотелось сыграть Инну в пьесе "Мурлин Мурло". Галина Волчек поставила условие, чтобы для этой роли я похудела на 10 килограммов. Я сбросила целых 17! Всего за один месяц.

— Как вам это удалось?

— Восточным способом. Целый месяц, пока шли репетиции, я питалась только чаем с кургагой.

В доме Дорошиной — самый настоящий Восток. Персидские ковры и безделушки, персидский кот Рики, Омар Хаям на ночном столике, музыка тоже арабская. И сама себя Дорошина называет восточной женщиной.

— Нина Михайловна, откуда такое увлечение востоком?

— Восток — моя слабость. Мое

детство и отрочество прошли в Иране. Незадолго до войны туда направили моего отца, который работал во Внешторге специалистом по пушнине, оценщиком и сортировщиком. Он закупал там меха для Красной Армии. Иран — очень красивая страна. Города там стоят обычно в котловине, в окружении заснеженных гор. Цветущие сады, арыки, живописные базары. Днем плюс пятьдесят, а к ночи так холодно, что надо надевать шерстяное пальто. Помню, когда я впервые увидела женщину в чадре, то так поразились,

что воскликнула: "Мама, а почему тетя в пододеяльнике?" Кстати, по чадре можно было распознать женщину. В белой ходили проститутки, в светлой — девушки, в яркой — замужние дамы, а в черной — вдовы. Чадру носили не все. Женщины других национальностей — армянки, еврейки и те же персиянки, но образованные — ходили в цивильной европейской одежде. В детстве я неплохо знала персидский разговорный язык, если б еще раз оказалась в тех краях, вспомнила бы его, наверное.

— Вы провели в Иране все те годы, пока шла война?

— Да. Иран оставался нейтральной страной: советское и немецкое посольство находились на одной улице. Хотя война и была далеко, мы ловили по приемнику сводки Совинформбюро, смотрели фильмы о войне, к нам приезжали военные ансамбли.

В 42-м я пошла в школу при Торгпредстве. В советской колонии из двухсот человек было всего 13 детей разных возрастов. Все мы занимались в одной комнате с одним педагогом по всем предметам — Клавдией Семеновной Дружининой. Она приучила меня к стихам. Я полюбила заучивать и читать их вслух, особенно грустные, о войне, чтобы все вокруг плакали. И сама я тоже могла пустить слезу.

Когда в 45-м году война кончилась, у меня родился брат Женя. Мы с мамой находились тогда в Тавризе (иранском Азербайджане). Папа уехал по своим делам в другой город, и тут в Тавризе началось восстание против шаха. Мы оказались отрезанными друг от друга.

Закипели уличные бои, началась стрельба, по всему городу выросли баррикады. На каждом шагу стояли виселицы, на которых висели повстанцы. И когда маме пришлось время рожать, няня вела ее в больницу, можно сказать, под свист пуль. На следующий день мы пошли смотреть братика. Помню, как его вынесли на подушке на больничное крыльцо. У него были лыжные волосы и огромные голубые глаза.

В конце 40-х Дорошина вернулась в Москву, в Лосинку, в дом № 6 по улице Рудневой, принадлежавший Ростокинскому меховому комбинату, на котором работал отец Нины. Впрочем, в те годы Лосинка еще не входила в состав Москвы. Это был подмосковный город Бабушкин, с деревянными домами, садами, огородами и цепными собаками. Все жители Лосинки хорошо друг друга знали, жили дружно, ходили к соседям в гости смотреть телевизор, а на 7-е ноября вместе с детьми, транспарантами и цветами колонной шли на Красную площадь...

— Мы жили в коммунальной квартире, в 18-метровой комнате. Мы с братом мечтали о сцене, занимались в драмкружке Клуба железнодорожников. Потом я поступила в Щукинское училище. После занятий, репетиций приходилось возвращаться из Москвы последней электричкой. От станции к дому вела длинная темная улица. Было страшно, особенно после того, как однажды меня попытались ограбить: чуть не отобрали золотые часы с браслетом. Но после того, как на экраны вышел фильм "Первый эшелон", у меня неожиданно появились "телохранители" из числа... местных шпаны. Дело в том, что у моей героини был возлюбленный — настоящий бандит, которого она очень любила и ценила, и вся хулиганская молодежь в Лосинке, посмотрев фильм, прониклась ко мне самыми теплыми чувствами.

— Вы упомянули, что ваш брат увлекался театром. Он тоже стал артистом?

— Женя, как и я, закончил Щукинское училище, но оставил свою профессию. Сейчас он крупный чиновник. Работает заместителем главы управы "Лосиноостровская". Его дочери — Олеся и Нина — стали актрисами. Одной 30 лет, другой — 23. Обе девочки красавицы, причем разнообразно одаренные. Старшая, Олеся, работает в Театре имени Пушкина. Она к тому же художница и скульптор: прекрасно лепит зверей, делает по заказу барельефы, недавно сделала бюст Путина. Его одобрили и пустили в производство. А Нина была фигуристкой, танцевала в детском ансамбле на льду. Она закончила мой курс в Щукинском и теперь работает в театре "Сфера". Пока не замужем, но поклонников тьма...

И мама моя жива, и слава Богу, здорова. Ей сейчас 89 лет. Да-да! Мамочка у меня просто прелесть! У нее такая светлая головка. Она вникает во все наши дела, до сих пор считает нас детьми и вяжет нам носочки.

— Вы часто находите время, чтобы собраться всей семьей?

— Собираемся обычно на нашей даче под Загорском. А вообще свободного времени мало. У меня хронический "недосып". Проживаешь на сцене роль, а потом едешь ночью на машине после спектакля и все вспоминаешь, проигрываешь целые сцены в уме. А дома, пока грим смоешь, пока душ примешь, чайку попьешь, глядишь, уже рассвело. А утром рано вставать: надо в училище на занятия ехать, меня студенты ждут.

Наталья РАДИЩЕВА

Фото из архива Н.Дорошиной: 1. С Геннадием Фроловым в спектакле "Любовь и голуби". 2. С мужем на даче. 3. В роли Принцессы в спектакле "Голый король" (1960 г.). 4. С Олегом Ефремовым в спектакле "Назначение" (1967 г.).

Наш подписной индекс:

42555

ГАЗЕТУ ВСЕГДА МОЖНО КУПИТЬ:

в книжном магазине "Библио-Глобус" (тел. 928-35-67) в театральном магазине СТД (тел. 229-94-84)

Учредитель: трудовой коллектив
Издание зарегистрировано в Московском региональном управлении Комитета РФ по печати 15.11.1996 г. Свидетельство № А-0957.
Цена свободная.

Главный редактор
Андрей Недзвецкий
Ответственный секретарь и верстка Ирина Бурова
Маркетинг Марина Зимина

Выходит 1 раз в месяц. № 1 (47).
Номер подписан в печать 26.12.2001 г.
Газета отпечатана в типографии "Пронто-Принт"
Тираж 30 000 экз. Заказ № 2945

Адрес редакции: 129224, Москва, а/я 145
Телефон/факс 287-41-27
e-mail: irina-burova@yandex.ru
При перепечатке ссылка обязательна.